

Е.М. Лазуткина

ОБРАЗ - КОНЦЕПТ - СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ
(О ДВУХ ПЕРЕВОДАХ ФРАГМЕНТОВ ПЬЕСЫ
В. ШЕКСПИРА "РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»)

(статья напечатана в сб. «Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи». М., Индрик, 2012).

Язык сам мыслит своими формами,
флексиями, словоизменениями и пр.
Это-то мышление самого языка,
выражающееся в различных формах,
необходимо должна следить грамматика.

К.С. Аксаков, 1875 г.

Перевод – это всегда передача смысла средствами другого языка. Перевод художественного текста – это и передача средствами другого языка образной палитры произведения. Как замечает Е.С. Кубрякова, «отношения в цепочке «реальность – ощущения, восприятие – когниция» носят весьма сложный характер... Язык фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, интерпретированное человеком» [Кубрякова 2004: 95]. Аналогичные высказывания находим у Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора [Лакофф 1981: 357; Филлмор 1983]. Ср. формулировку А.Д. Кошелева: «Образные схемы являются «источником структур» для когнитивных моделей» [Кошелев 2008: 30].

В соответствии с теорией речевой деятельности, образное восприятие рождает содержательный импульс (замысел) вместе с отношением говорящего к предмету речи, которое мы будем называть «стилистическим модусом». Положение о доминанте стилистического модуса автора является исходным тезисом в наших рассуждениях: он участвует в структурировании содержательной и стилистической канвы высказывания, формирует интонацию и ритмику текста, реализуется в вербальной, линейной организации высказывания и текста, в системных маркерах модальности. Понятие «стилистический модус» близко понятиям «оценка» и «субъект» в современной лингвистике. Ср.: «Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов

высказывания» [Бахтин 1993: 323.]. Трактовка концепта «субъекта» в современной когнитологии восходит к философии Л.Витгенштейна, который трактовал «субъект как этическую установку, которая задает границу и структуру видения мира и действия в нем» [Галанина 2011: 138]. В то же время выбор языковых средств при построении высказываний зависит от возможностей и «предпочтений» сложившейся системы языка, и «произвол» автора не безграничен.

Чувственное восприятие жизненных ситуаций создает образную картину, которая человеком представляется как: 1) денотативное пространство с определенными параметрами; 2) процесс (событие, статичное положение дел); 3) сигнификативное пространство - ментальные конструкторы с возможными ролевыми отношениями (действие субъекта, признак, состояние, экзистенция и т.д.); 4) модель предложения с субъектно-предикатно-объектными отношениями; 5) семантико-синтаксическая организация высказывания.

При осмыслении реальной или воображаемой картины формируются как полные и детализированные фреймы происходящего, так и неполное, частичное «видение». Это может быть объяснено ракурсами рассмотрения, способностями говорящего и его коммуникативными целями. На существенную роль познающего субъекта в процессах интерпретации обратил внимание Р.И. Павилёнис [Павилёнис 1983: 16].

Таким образом, само существование грамматических структур в языковой системе обусловлено процессами концептуализации, категоризации мира человеком, вследствие чего синтаксические стереотипы передают информацию **непреднамеренно**; синтаксические образцы представляют собой специфические когнитивные модели, т.е. являются особыми (сложными) элементами языковой картины мира.

Подобный аспект исследований связан и с традицией отечественного языкознания, в котором последовательно развивалось так называемое психологическое направление, утверждалось, что своеобразие каждого естественного языка заключается в специфическом соотношении мыслительных и языковых структур. Ср. выражение К.С. Аксакова: «мышление самого языка, выражающееся в различных формах»; А.А. Потебни: «мышление, идущее по

более родного языка»; высказывания А.М. Пешковского о том, что мыслительные структуры диктуют типические способы своего выражения в речи. Это направление исследований продолжает когнитивная лингвистика. Ср. высказывание Дж. Лакоффа: «Я считаю, что формальные аспекты лингвистических исследований являются частью построения модели мышления» [Лакофф 1981: 365]. А.Е. Кибрик выражает свою мысль следующим образом: «в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру» [Кибрик 2008: 53].

Рассмотрим два перевода следующего фрагмента пьесы В. Шекспира «Ромео и Джульетта»:

Romeo. *Lady, by yonder Moone I vow,
That tips with siluer all these Fruite tree tops.*

Перевод Б.Пастернака: Ромео. *Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...*

Перевод А.Радловой: Ромео. *Благословенной я луной клянусь,
Что серебром деревья обливает...*

Оригинал - первая интерпретация воображаемой реальности - воплощение образной картины в дискретное денотативное пространство (это основной этап интерпретации), в когнитивный фрейм с выбранным предикатом – и в семантико-синтаксическую структуру. Таким образом, оригинал использует одну из возможных прототипических структур.

В тексте Шекспира сцена клятвы Ромео рисуется на фоне наблюдаемой в момент речи динамичной картины, во фруктовом саду, который окружает влюбленных. Ромео клянется не просто Луной, а всем происходящим в эту удивительную лунную ночь, чутко осязаемую, тонко прочувствованную им. У Шекспира подчеркивается *временная объемность* изображаемого – воображаемая картина представляется как «событие». Шекспир дает пространственные характеристики события, выделяя в нем отдельные объекты – «Луна», «верхушки деревьев», «серебро (серебряный свет)». В тексте имена, называющие эти объекты, окружавшие Ромео в момент свидания, имеют маркер «определенность». Именно эта Луна [*yonder Moon*] на глазах влюбленных надевает серебряные наконечники на все верхушки **этих** плодовых деревьев:

Lady, by yonder Moone I vow, / That tips with siluer all these Fruite tree tops. Таким образом, образная картина описывается в предложении как событие со следующими участниками: в качестве предиката выбран акциональный каузативный глагол (*tip*), в качестве субъекта локально направленного действия – преднамеренно действующий актер-каузатор (*Луна*), в качестве объекта действия – конкретное существительное, название места (*кончики деревьев*), в качестве средства воздействия - объекта-каузатора – вещественное существительное (серебристый свет - *серебро*).

Вторая интерпретация - создание образной картины в переводе средствами иного языка. Как пишет Н.И.Жинкин, «происходит чудо – слова пропадают и вместо них возникает образ той действительности, которая отображается в содержании этих слов» [Жинкин 1982: 53].

Возникает вопрос о свободе выбора языковых средств при передаче того или иного когнитивного фрейма. Для переводчика существует проблема, следовать ли диктату оригинала с уже очерченной прототипической структурой в обозначенном денотативном пространстве (поскольку организация предложения в оригинале - уже заданный способ категоризации смысла) или предпочесть свободу выбора когнитивного фрейма и, соответственно, грамматического устройства предложения, в соответствии с особенностями своего восприятия.

Лингвистический анализ текста перевода дает возможность сделать вывод, что является приоритетным для переводчика, каковы предпочтения его идиостиля - средства лексической или грамматической семантики.

Образная картина в оригинале и в двух текстах переводов соответствует одному и тому же денотативному пространству и выбранной Шекспиром прототипической структуре, т.е. обозначается одним и тем же надязыковым (универсальным) когнитивным фреймом, предопределяющим одинаковое семантико-синтаксическое строение предложений с событийным предикатом одного и того же синтагматического класса (класса глаголов локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту охвата объекта) – с синтаксическими позициями для строго определенных актантов.

Синтаксическая позиция – это структурно обусловленный смысловой элемент предложения, имеющий определенные грамматические характеристики.

А.А.Потебня считал позицию слова в предложении его внутренней формой («знание места, которое занимает слово в целом»). Понятие синтаксической позиции разработано в работах Т.П.Ломтева [Ломтев 1960]. Синтаксическая позиция имеет более отвлеченные семантические характеристики, чем уже установленные разряды существительных: она может быть предназначена для имен разных категориальных разрядов в разных формах, а может – только для одного разряда и в одной форме, в зависимости от смысловых отношений в структуре предложения. Спецификация синтаксической позиции в какой-то одной модели предложения не всегда бывает очевидной, в таком случае исследуются «коррелятивные» синтаксические позиции в деривационно связанных моделях.

Выбранная автором модель предложения сразу актуализирует в нашем языковом сознании все потенциально возможные ракурсы обозначения этого денотативного пространства и модели предложений, сложившиеся в языковой системе для обозначения этих ракурсов. Общая эпистемическая база делает их парадигматически соотносительными [Лазуткина 1995].

Если переводчик принимает предложенный в оригинале когнитивный фрейм, то он не может быть независим, он уже находится в плену глубинных универсальных процессов когниции и грамматических законов своего языка. В нашем случае синтаксическая система русского языка предлагает разные возможности обозначения данного денотативного пространства. В качестве темы при описании события автор может выбрать не только луну, но и деревья. А с субъектом «луна» переводчик может выбрать как модель с двухвалентным каузативным глаголом (*Луна обливает все деревья серебром*), так и модель предложения, в котором одновалентный каузативный глагол и отсутствует синтаксическая позиция объекта-каузатора (средства воздействия); например: *Луна (Серебряный лунный свет) обливает все кончики деревьев*.

Модель предложения с двухвалентным каузативом, выбранная Шекспиром, может быть названа оптимальной для описания этого денотативного пространства. Она эксплицитная: все «участники» события представлены отдельными синтаксическими позициями. Другой ракурс изображения сокращает число участников сцены. Но и в той и в другой модели предложения глагол и объект указывают на константные параметры обозначаемого – «локально

направленное действие» и «место». Фактически главным в предложении является только предикат. По замечанию Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976: 125], он тесно связан с объектом, который лишь дополняет характеристику действия.

Творческое воображение Шекспира рисует яркую, динамичную картину. Это обуславливает стратегический план развертывания высказывания. Логический тип предиката - событийный каузативный глагол. Эти глаголы обозначают процесс, расчлененный во времени (имеющий начальную фазу и конечную фазу). Синтагматический класс – семантически емкие глаголы локально направленного действия, при котором объект действия претерпевает изменение, в результате которого итоговая смежность объекта со средством воздействия. Предложения с данными глаголами имеют сложную организацию: субъектную позицию каузатора, преднамеренно действующего субъекта (в оригинале - персонификация Луны), объект (название места), объект-каузатор (название средства воздействия); в глаголах сильный каузативный элемент «делать так, чтобы состояние объекта было изменено посредством применения средства воздействия». Если семантика объекта в вин. п. обычна - конкретные существительные, способные называть место, то категориальная семантика объекта-каузатора - имени в творит. п., обозначающего средство воздействия, - особенная. Это конкретные существительные во мн. ч. (реже в ед. ч.), вещественные или отвлеченные существительные в ед. ч. Знаменателен тот факт, что здесь множественное число существительного обозначает не соединение отдельных предметов, а нерасчлененное множество (континуум), т.е. эти именные формы имеют пропозитивную семантику.

Таким образом, эта модель предложения скрывает две мыслительные структуры, а словоформа в творит. п. называет *средство воздействия* в первой мыслительной структуре и называет *каузатора* итоговой смежности с объектом - во второй мыслительной структуре. В объекте-каузаторе имеет место компрессия предикативного ядра [Wierzbicka 1969: 74-77]. Г.Г. Сильницкий объясняет функцию этого актанта следующим образом: «...адъект является средством воздействия субъекта на объект. Процесс каузации состоит здесь в том, что адъект, первоначально находившейся в наличии у субъекта, применяется им к объекту, т.е. переключается, в результате воздействия, из сферы субъекта в сферу объекта, чем и определяется терминальное состояние последнего» [Сильницкий 1974: 12].

Семантико-синтаксическое устройство предложения, грамматические характеристики лексем в тексте оригинала содержат «подсказки» и для более сложной работы переводчика – концептуального анализа, выявления «материальных носителей» представления концептов, поскольку языковая система дает «возможность по-разному «объективировать» (т.е. вербализовать) концепты с помощью разных словесных форм» [Кубрякова, Демьянков 2007: 24].

В нашем фрагменте сцена клятвы Ромео преподносится как *событие* с помощью скрытого концепта «Множество» (и другой его ипостаси - «Всеобщность»). Способ языкового воплощения концепта «Множество» - структура предложения с событийными глаголами локально направленного действия. Языковые маркеры концепта «Множество» следующие: лексическое значение глагола, включающее семы «всеобщность, полнота охвата» (*tip*), существительное во мн. ч. в позиции объекта (*Fruite tree tops* – название места), существительное с пропозитивным значением в роли объекта-каузатора (*with siluer*), квантор *all*.

В переводах Б. Пастернака и А. Радловой концепт «Множество» представляют аналогичные «материальные носители», поскольку использован универсальный когнитивный фрейм и соответствующая структура предложения.

Следующий аспект создания адекватного смыслового пространства переводного текста - **временные и пространственные координаты**. Воображение переводчика, его видение события дает импульс к собственной языковой интерпретации текстового фрагмента, поэтому его выбор семантико-синтаксической структуры высказывания может быть неосознанным, интуитивным. В связи с этим аспектом текстовой организации, М. Холквист, исследователь концепции хронотопа М. Бахтина, пишет: «...диалогизм подчеркивает значение временных и пространственных референтных связей, присущих *формальным свойствам текста...*». При этом М. Холквист замечает, что «концепция хронотопа с самого начала предполагает, что конструктивными элементами текста являются одновременно и структурная модель, и ее смещение» [Холквист 2002: 244].

Какое «смещение» мы наблюдаем в переводах этих авторов?

Смысловой основой данного фрагмента является концепт «Действие-Событие». В статичной картине перевод может строиться на номинации свойств, отношений, связей, на констатации существования чего-н. или на отрицании, например: *Луна, серебряный свет, серебряные кончики деревьев*; в динамичной картине переводчик может выбрать процессуальное изображение картины или событийное.

Если у В. Шекспира и у А. Радловой динамическое развертывание ситуации – с использованием формы настоящего времени акционального событийного глагола, то у Б. Пастернака сцена встречи не изображается как «Событие». Его выбор – статичная картина, описанная с помощью внутримодельного деривата исходной конструкции – с помощью результативной конструкции с причастием прошедшего времени:

*Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев.*

Здесь редуцировано и косвенное указание на действие – нет синтаксической позиции средства воздействия в творит. п. – объекта-каузатора (в тексте В. Шекспира – *with siluer*), в то время как в тексте Шекспира есть кванторы (настоящее время глагола, слова *all; these*), при помощи которых актуализируется процесс восприятия влюбленным Ромео всех нюансов «жизни» этого фруктового сада. В переводе Пастернака значение средства воздействия конкретизируется в самой глагольной лексеме: причастие («посеребрившей») содержит инкорпорированный актант глагола («серебро»). Инкорпорирование свертывает информацию о действии-событии, описывает картину компактным способом, помогает сделать фразу гибкой, удобной для связи с остальным текстом.

Таким образом, Б. Пастернак не следует предложенной Шекспиром актантной перспективе, но он отдает предпочтение лексическим соответствиям. В фокусе его внимания Луна, свидетельница встречи Ромео и Джульетты, однако Луна не персонифицирована. Здесь Луна, с определением *сияющей*, не активный «участник», а «свидетель»: ее роль ослаблена значением глагольной формы – это причастие (*посеребрившей*), обозначающее результативное состояние.

В переводе А. Радловой нет прямых лексических параллелей. Так, у Шекспира сложное словосочетание *all these Fruite tree tops* имеет маркер «определенность», а в русской фразе Радловой (в придаточном определительном предложении, где описывается действие Луны) есть только слово *деревья* с определенной референцией: *что серебром деревья обливаает*. Увеличивает образность метафорический глагол *обливаает*, хотя выражения *свет льется*, *свет обливаает* являются общеязыковой метафорой [Лазуткина 2006]. У Шекспира стилистически нейтральный глагол того же синтагматического класса – *tips: That tips with siluer all these Fruite tree tops*.

К.И. Чуковский писал: «<...> если хочешь приблизиться к подлиннику, отойди возможно дальше от него, от словарной оболочки и переводы его главную суть: его мысль, его стиль, его пафос» (цит. по [Рябцева 2007]). У А. Радловой волшебная атмосфера «жизни» ночного сада в сцене клятвы Ромео нашла выражение в средствах грамматической семантики: предложение строится на доминантной черте **«наблюдаемое, имеющее временную протяженность событие»** - и совпадает со сценарным фреймом Шекспира – изображение сложного динамического процесса с четко очерченными «участниками». Гармоничная связь воображения автора с творческими возможностями языка приводит к успеху. Н.К. Рябцева в работе о теории и практике перевода делает аналогичный вывод: «Она [языковая система] делает процесс перевода не только возможным, но еще и предельно «естественным» явлением» [Рябцева 2007: 109].

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1976 – Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Бахтин 1993 - Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993.
- Галанина 2011 – Галанина К.Э. Трансформация концепта субъекта в философии Людвиг Витгенштейна // Вопросы философии, 2011, № 7. С. 138-147.
- Кубрякова, Демьянков 2007 – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. О ментальных репрезентациях // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. М., 2007. С. 13-28.
- Жинкин 1982 – Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.

Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания, 2008, № 4. С. 51–77.

Кошелев А.Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкознания, 2008, № 4. С.15-40.

Ломтев 1960 - Ломтев Т.П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. 1960, № 4. С. 15–28.

Лазуткина 1995 – Лазуткина Е.М. Синтагматический класс глаголов: языковая данность, концептуальный феномен, коммуникативный стереотип // Филологические науки, 1995, № 5-6. С. 65 – 78.

Лазуткина 2006 – Лазуткина Е.М. Динамика концепта «СВЕТ» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Художественный текст как динамическая система. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева 19-22 мая 2005 г. М., 2006. С. 228-234.

Лакофф 1981 - Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, 1981. С. 350 – 368.

Павилёнис 1983 – Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Рябцева 2007 – Рябцева Н.К. Металингвистические знания в теории и практике перевода // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. М., 2007. С. 102-111.

Сильницкий 1974 – Сильницкий Г.Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов. АДД, Л., 1974, 43 с.

Филлмор 1983 – Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 74-122.

Холквист 2002 – Холквист М. Диалог истории и поэтики // Михаил Бахтин. Pro et contra. Антология. Том II. Санкт-Петербург. 2002. С. 229 – 276.

Wierzbicka 1969 - Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wroclaw – Warszawa – Krakow, 1969, 201 s.